

К 75-летию
исторического факультета БГУ

А. Б. Давидсон

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ПОЛЕТИКА
(1896—1988)

Одним из первых в советской историографии, кто серьезно на обширной документальной базе изучал историю возникновения Первой мировой войны, стал Николай Павлович Полетика. Его книга «Сараевское убийство» (1930) получила громкий резонанс, а «Возникновение мировой войны», вышедшая в 1935 г., была переиздана в 1964 г. В конце 1940-х он заведовал кафедрой истории международных отношений Ленинградского университета. У него, на его кафедре, учились те, кто стали потом всемирно известными учеными: Рафаил Шоломович Ганелин, Александр Александрович Фурсенко, Борис Васильевич Ананьич, Юрий Борисович Соловьев и многие другие.

Заслуги Николая Павловича как ученого, преподавателя, учителя — бесспорны. Однако десятилетиями они предавались забвению. Его имя не принято было упоминать, его вклад в науку замалчивался. Причина? Дело в том, что в 1973 г., после того как его перевели на пенсию в Белорусском государственном университете, он эмигрировал в Израиль и последние полтора десятилетия жизни провел за рубежом. Он не участвовал там в политической жизни, не клеймил советскую действительность. И тем не менее о нем перестали писать. Поэтому необходимо восстановить его доброе имя, отдать ему заслуженную дань памяти. К сожалению, даже документы, связанные с его деятельностью, найти теперь очень трудно. В этой связи хочу сразу же выразить благодарность И. Р. Чикаловой, профессору БГПУ имени Максима Танка. Она нашла в архиве Белорусского государственного университета, где Н. П. Полетика работал в 1953—1972 гг., две официальные характеристики на него и предоставила мне их копии.

Первая (к сожалению, без даты) — хвалебная и подробная (три страницы). Подписана заведующим кафедрой новой и новейшей истории БГУ, профессором Л. М. Шнеерсоном. В ней сказано, в частности: «Профессор Н. П. Полетика — творческий ученый, хорошо владеющий методикой научного исследования, обладающий прекрасной всесторонней эрудицией и большим научным опытом, умеющий ставить и решать весьма сложные и серьезные проблемы исторической науки. Под руководством Н. П. Полетика выполнено много интересных диссертационных работ. Он подготовил свыше 20 научных работников, успешно защитивших свои кандидатские диссертации».

Вторая характеристика дана 4 июля 1972 г. в связи с просьбой об эмиграции. Подписана ректором и председателем месткома БГУ. Ее содержание прямо противоположно первой (как еще можно было тогда писать о тех, кто заявил о желании уехать?). «...Он опубликовал ряд работ, в том числе монографию “Возникновение Первой мировой войны”, изданную в Москве двумя изданиями в 1935 и 1964 гг. Книга была подвергнута критике за немарксистскую

Давидсон Аполлон Борисович — руководитель Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор

трактовку вопроса о виновниках возникновения первой империалистической войны. Он в своей работе преувеличивал вину России и умалял роль германского империализма в развязывании войны. Будучи профессором исторического факультета, Полетика держался отчужденно в коллективе, игнорировал мнение коллектива. В последние годы работы на факультете систематически занижал оценки знаний студентов, создавал тяжелую и нервную обстановку на зачетах, за что подвергался критике на заседаниях кафедры, ученых Советах факультета и университета. В общественной жизни университета и факультета не принимал активного участия».

Первое заметное упоминание в постсоветской печати содержится в юбилейном сборнике «Доктора и профессора Белорусского государственного университета», вышедшем в Минске в 2001 г. к 80-летию БГУ. «ПОЛЕТИКА Николай Павлович (1896 — не известно) родился в г. Конопот Сумской области (Украина). В 1914—1919 гг. — студент историко-филологического факультета Киевского университета. В 1924 г. окончил факультет общественных наук Ленинградского государственного университета по специальности «Мировое хозяйство и мировая политика». С 1931 по 1951 г. — преподаватель, доцент, профессор Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена. В 1937 г. утвержден в степени кандидата экономических наук, в 1942 г. — степени доктора исторических наук. С 1953 по 1972 г. — профессор кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета. В 1973 г. выехал в Израиль. Исследовал историю дипломатической подготовки и причины Первой мировой войны. Показал, какими методами и приемами империалисты Германии и Австро-Венгрии с одной стороны, Англии, Франции и России — с другой, развязали в июле 1914 г. мировую войну, стараясь при этом переложить вину за ее возникновение на своих противников. Им велись научные изыскания по истории II Интернационала накануне и в годы Первой мировой войны. Наряду с международными отношениями Н. П. Полетика уделял много внимания исследованию ряда экономических проблем».

Как мало по сравнению с другими профессорами! Нет его фотографии. В дате рождения указан только год, дата смерти — неизвестна. А ведь и то и другое можно назвать точно: 17 апреля (по ст. стилю) 1896 г. — 25 марта 1988 г. Перечень его трудов — тоже поразительно краток. Не упомянута и интереснейшая книга воспоминаний «Виденное и пережитое», хотя к тому времени она выходила уже дважды: в 1982 г., еще при жизни автора, а затем в 1990 г. Правда, за рубежом. Сочли, что лучше не заметить? Или, вправду, не знали?

* * *

Кто же он был, Николай Павлович Полетика? Об этом можно судить по его научным трудам, преподавательской работе, по его воспоминаниям.

Николай Павлович был одним из моих учителей в Ленинградском университете в 1948—1951 гг. Для меня первая встреча с ним в конце июня 1948 г. определила характер специализации — поступая на истфак, я выбрал именно его кафедру. Ждать мне его в тот день пришлось долго, и чего только я не наслушался о нем от студентов. И то, что его книга «Возникновение мировой войны», вероятно, так и не увидела бы света, если бы не вмешался Максим Горький. И то, что Полетика «набит знаниями» и у него два высших образования, а диссертацию он защитил не только по истории, но и по экономике. И то, что он из обедневшей украинской ветви известного в России дворянского рода.

Это пробудило у меня интерес — и вскоре я прочел у А. С. Пушкина в его дневнике за 1834 год: «Я очень люблю Полетику». Речь шла о Петре Ивановиче Полетике, известном дипломате, работавшем в русских посольствах в Филадельфии, Рио-де-Жанейро, Мадриде, Лондоне. Он был другом Н. М. Карамзина, Д. П. Дашкова, братьев Николая и Александра Тургеневых, П. А. Вяземского, К. Н. Батюшкова. И. И. Козлова, В. А. Жуковского. Пушкин упоми-

нал Полетику в своем дневнике не однажды, а отрывки из его книги «Состояние общества в Соединенных Американских областях» опубликовал 4 августа 1830 г. в «Литературной газете». Племянник П. И. Полетики — Александра Михайловича Полетика — был великосветским знакомым Пушкина, приятелем его будущей убицы Ж.-К. Дантеса, являлся свидетелем при бракосочетании последнего с Е. Н. Гончаровой. Жена же А. М. Полетики (с 1829 г.) — Идалия Григорьевна Полетика (урожденная Обортей), как известно, была любовницей Пушкина. Однако после внезапного разрыва их отношений стала его заклятым врагом и ненавистником. Современники свидетельствовали о ее дружбе с нидерландским посланником при русском дворе Л.-Б. Геккерном и его приемным сыном Дантесом, говорили, что она содействовала ухаживаниям последнего за Натальей Николаевной и сыграла неблагоприятную роль в роковой дуэли Пушкина. Дотошные студенты докапывались и до многого другого. Например, что А. М. Полетика был председателем комиссии военного суда, учрежденной для разбора дела М. Ю. Лермонтова о его дуэли с Э. де Барантом, сыном французского посла. Приговор, подписанный А. М. Полетикой по уставу (лишение чинов и прав состояния), был суровее последовавшего наказания (перевод на Кавказ с сохранением офицерского чина), что входило в расчеты Николая I.

Со мной Николай Павлович Полетика в той первой встрече говорил в шутовском тоне. Сказал, что история международных отношений стала почти такой же модной профессией, как балет. Но чтобы особых надежд я все-таки не возлагал: «Ни одна, даже самая красивая женщина не может дать больше того, что у нее есть». Эта простота общения профессора с абитуриентом меня и привлекла.

Конспекты некоторых его лекций из курса «Международные публикации эпохи империализма» у меня хранятся до сих пор. Как же тщательно, систематично, подробно он разбирал крупнейшие многотомные публикации внешнеполитических документов государств Европы, США, да и наши отечественные. Для наглядности приносил с собой те тома, которые хранились в книжных шкафах его кафедры. Так мы познакомились с немецкими публикациями: «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914», «Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch», «Deutsche Gesandtschaftberichte zum Kriegsausbruch 1914». С французскими: «Documents Diplomatiques Français 1871—1914». С британскими: «British Documents on the Origins of the War, 1898—1914». С австрийскими: «Oesterreich-Ungarns Aussen Politik von der Bosnischen Krise bis zum Kriegsausbruch 1914». С американскими: «Papers relating to the Foreign Relations of the United States». С советскими: «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 гг.». Полетика высоко ценил «Красный Архив», считал, что в 115 номерах этого журнала можно найти бесценные документы. Очень интересно рассказывал о «Маркинских тетрадах» — сборниках внешнеполитических документов, которые после большевистского переворота и лозунга об отмене тайной дипломатии было поручено издавать матросу Василию Маркину.

Все эти издания Полетика прекрасно знал. Их он штудировал, готовя свои публикации о Сараевском убийстве. С увлечением говорил о том, что он называл «битвой документов», когда каждое из государств — участниц мировой войны формировало свои документальные корпуса таким образом, чтобы обелить себя и взвалить ответственность за войну на других. В своих книгах Полетика умело анализировал документы и, сопоставляя их, изыскивал скрытую подоплеку событий. Этому — то есть профессионализму работы историка, он и учил нас.

Нам нравились его книги. Они по самой подаче материала отличались в лучшую сторону от многого, что издавалось в конце сороковых. Мы, по неопытности, не догадывались об одной из важных причин того. Ведь Полетика писал свои книги в годы НЭПа и на его излете, когда идеологическое давление «сверху» не стало еще таким всеобъемлющим, как позднее. Да и сам Николай Павлович, оставаясь всю жизнь беспартийным и не стремясь делать карьеру, следовал официальным установкам не столь уж раболопно. Поэтому и публиковаться ему довелось меньше. А его лекции мы, поступившие на истфак в 1948 г., начали слушать лишь через год — на первом курсе он еще не работал.

Однако мы могли судить о Полетике по его выступлениям на защитах диссертаций. Первый раз я слушал его, когда он был оппонентом на защите кандидатской диссертации «Восстания в африканских колониях Германии в 1904—1908 годах». Заседание было скандальным: у диссертанта, Вениамина Яковлевича Голанта (1912—1974), отбирали степень, которую тот же ученый совет уже присудил ему. Дело в том, что защита прошла при декане Владимире Васильевиче Мавродине, но его убрали из университета и исключили из партии — шло злополучное «Ленинградское дело», а новый декан, Н. А. Корнатовский, собрал ученый совет снова и предложил отнять уже присужденную степень. По его словам, в диссертации обнаружена расистская терминология и вообще автор шел на поводу у злостной империалистической пропаганды. Расизм — потому что автор называл африканцев «туземцами», в одном месте даже «чернокожими». А «на поводу» — потому что не разоблачил звериный оскал хищного облика американского империализма. Конечно, каждому, кто хоть немного знал историю, было ясно: какая уж там Америка в первых годах XX в. в Намибии (тогда она называлась Германской Юго-Западной Африкой)! Но в 1949 г. уже бушевала «холодная война». В любой диссертации по истории требовалось разоблачение «кровавого американского империализма». Корнатовский требовал осудить диссертацию. Большинство членов совета с первой же минуты поняли, что дело диссертанта безнадежно. Одни старались промолчать, другие, увы, даже подливали масла в огонь. Страх за собственную судьбу перевешивал остальные чувства.

Защищать обреченное дело бросился лишь Полетика. Он заявил, что не отказывается ни от одного слова в своем отзыве. Напомнил, что роль Америки в Намибии была ничтожной. И что даже К. Маркс употреблял слово «чернокожие» (напомнил известное высказывание, что Африка была «заповедным полем охоты на чернокожих»). Сказал: «Если вам мало Маркса, то вот вам Вышинский», и привел его цитату со словом «чернокожие». Действия это, разумеется, не возымело.

У меня-то уважение к Полетике возросло. Но на его участи такое поведение отразилось не лучшим образом. Дело происходило в начале весны 1949-го, в самый разгар борьбы с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом». На партсобрании истфака Полетику назвали одним из сторонников или даже носителей этих зол. Наверно, и без того выступления на повторной защите он был уже обречен. Беспартийный заведующий кафедрой. Не повторял на лекциях, как принято было, политические лозунги. И вообще якобы вводил студентов от участия в борьбе на «фронтах идеологической борьбы». Не изъяснялся словами из очередной передовицы газеты «Правда», как сотрудники его же кафедры. Да они с ним и не особенно считались. Когда Полетика сделал замечания по диссертациям двух аспирантов, они будто бы ответили: «Мы тут, на кафедре, представляем партбюро».

Да и сам его упор на важность исторических документов для понимания истории XX в. выбивался на кафедре из общего тона. Центром науки считалась тогда только что вышедшая брошюра «Фальсификаторы истории», в которой шла речь о «буржуазных» ученых Запада. Их обвиняли в фальсификации всего, что только можно, особенно же — в подходе ко Второй мировой войне. Брошюра была подготовлена — так говорили все — по заданию Сталина. На ней молодые и весьма борзые преподаватели строили лекции и семинары. Полетика против

этого не выступал, старался не лезть на рожон. Но все-таки иногда не выдерживал — как на защите диссертации Голанта.

Нам, со второго курса, он читал лекции о международных отношениях и колониальной политике конца XIX — начала XX в. Современности не касался, доводил события лишь до Первой мировой войны. Апеллировал не к Ленину, Сталину и партийным точкам зрения, а к упомянутым многотомным публикациям документов. На этом материале, повторяюсь, он учил нас тому, как работать с первоисточниками, сопоставлять их, видеть противоречия, выяснять невысказанное, недосказанное, искаженное и доискиваться до истины, выявлять подлинную сущность событий. Само слово «документ» он произносил, как бы подчеркивая, что это главное, с чем имеет дело историк. То есть учил нас ремеслу историка — тому, что нам и было нужнее всего. Но началству такой подход к новейшей политической истории не нравился, считался аполитичным.

А ситуация между тем усугублялась. К «космополитизму» и «низкопоклонству перед Западом» прибавилось и «Ленинградское дело». Полетика, видимо, чувствовал, что его дни на факультете сочтены. И тогда он сделал шаг, которого никто не ожидал. Мы, студенты, слышали эту историю в следующем изложении. Якобы он встретил в Москве в Министерстве высшего образования только что назначенного нового ректора Ленинградского университета. Ректор был молодым, во все тонкости дел в ЛГУ его еще толком не посвятили. Тем более в дела историков — он был по специальности математиком. Николай Павлович подал ему на подпись заявление об увольнении из ЛГУ в связи с переходом в университет в Ташкенте. Ректор, наверное, посчитал, что Полетика делает благородный шаг: уходит из второй столицы, чтобы помочь развитию образования на периферии, в Средней Азии. И подписал заявление. А в Ташкенте Полетика без труда договорился о работе. Так специалист по истории дипломатии, показал, что он сам может проявить дипломатические способности. С 1951 г. он оказался в Ташкенте, хотя и ненадолго. Вскоре перешел в университет в Минске, где жил и работал два десятилетия. Его враги в ЛГУ — как они, должно быть, кусали себе локти: ушел-таки, и даже без выговора! Но ушел он и от нас, студентов. На кафедре наступили совсем уж зловещие времена. У студентов же моего поколения память о нем осталась как о несомненном профессионале, знатоке истории международных отношений конца XIX — начала XX в. Помнили его лекции, суховатые (могли ли они тогда быть другими?), но насыщенные богатым фактическим материалом.

Как человека мы его знали мало. Он замыкался в себе. А уж с нами, студентами, в откровенные разговоры не пускался. Так что мы могли только догадываться, что его жизнь, скорее всего, была богата событиями — ведь он был уже немолод, ему шел шестой десяток. По тем временам — почти что старик. Если он и не очень с нами откровенничал, то в отсутствии доброжелательности его не упрекнешь. Летом 1953 г. я встретил его на улице (он навевывался в родной Ленинград) и пожаловался на свою судьбу: заканчиваю истфак, рекомендация в аспирантуру есть, но надежд на поступление нет, неподходящие анкетные данные. Он меня сразу понял, пошел просить за меня к заведующему кафедрой Ленинградского пединститута. Полетика был уверен, что его ходатайство сработает: заведующий кафедрой был когда-то его студентом. Но вернулся после встречи понурым. Тот отказал. Потом, в 1954 г., не попал в московскую аспирантуру мой друг Юра Соловьев (впоследствии написал трехтомник «Самодержавие и дворянство»). Я пожаловался Николаю Павловичу. Он знал Юру как очень способного студента. Сказал: «Конечно, возьму». И взял в аспирантуру Белорусского университета (потом Юре предложили место в Ленинграде, и он в Минске не задержался).

В начале шестидесятых его книга о подготовке мировой войны переиздавалась в издательстве «Мысль». В название добавили слово «первой» — ведь когда Полетика писал книгу на рубеже 1920—1930-х гг., — мировая война 1914—1918 гг. была единственной. Книгу переиздали не целиком, а только главы IV—IX. Очевидно, издательство сочло их наиболее важ-

ными. Николай Павлович переработал их на основе новейших документальных и мемуарных материалов. Еще монографии дали подзаголовок «Июльский кризис 1914 г.».

Цель книги он объяснил так: «Задача нашего исследования — “объяснить людям со всей конкретностью”, в какой тайне и как именно была развязана в июле 1914 г. мировая война». О структуре же своего труда написал: «...Ход июльского кризиса 1914 г. в целях наиболее полного раскрытия политики каждой из крупнейших империалистических держав дан не в форме последовательно хронологического рассказа о событиях по всем странам-участницам июльского кризиса, а, наоборот, изложен по каждой стране в отдельности, начиная с момента сараевского убийства и заканчивая решением правящей верхушки той или иной страны ввязаться в войну ради своих империалистических целей».

В связи с подготовкой книги он не раз приезжал из Минска в Москву, бывал и у меня. А по мелким редакционным поправкам я был связующим звеном между ним и его редактором, Ниной Ивановной Калашниковой. В начале 60-х и я побывал у него, когда приезжал в Минск с лекциями. Держался Николай Павлович уже куда более раскованно, чем в Ленинграде, и все же по-настоящему раскрылся лишь через много лет, издав книгу воспоминаний «Виденное и пережитое».

Эту поразительно интересную книгу он написал в эмиграции, в Иерусалиме. Когда ему исполнилось 75 лет и он был вынужден уйти в Минске на пенсию, его падчерица Рената, которую он очень любил и называл дочерью, эмигрировала в Израиль. В 1973 г. он вместе с женой последовал за ней. Жена предпочла затем переселиться в США, а Николай Павлович остался в Иерусалиме. Это его решение, очевидно, было вызвано давней симпатией к еврейскому народу, к тем его представителям, рядом с которыми прошли на Украине его детство и молодые годы. Его первая жена, которую он очень любил, принадлежала к довольно известному еврейскому роду Пумпянских. Вторая, на которой он женился через много лет после смерти первой, тоже была еврейкой. «Еврейский вопрос» Н. П. Полетика вообще считал важной лакмусовой бумагой для понимания судеб России.

В предисловии к мемуарам он сказал то, что должен считать своей заповедью каждый мемуарист: «Воспоминания следует писать только тогда, когда автор может писать правду». И читая книгу, думаешь, что сам Полетика сумел следовать этой заповеди. К сожалению, эти почти 500-страничные воспоминания до сих пор не вышли в России (хотя не вижу к этому никаких препятствий). Мемуары Полетики дают ответ на вопрос о том, какие же годы в своей творческой деятельности и становлении как исследователя он считал самыми яркими на протяжении долгой жизни.

* * *

В 1923—1926 гг. на долю Полетики выпала необычная роль. В газете «Ленинградская правда» ему поручили писать корреспонденции из любых стран мира — с пометкой «От нашего собственного корреспондента». Почему так получилось? Газета не могла иметь много своих корреспондентов, а хотелось сделать вид, что они есть. Как же получали информацию для таких «корреспондентов»? Из сотни иностранных газет и журналов, которые получала тогда «Ленинградская правда». Откуда же у нее было такое богатство? Этого добился Е. Г. Зиновьев, глава ленинградских большевиков. Он был тогда очень влиятелен в партии и получал для своей газеты почти столько же средств, как центральная московская «Правда».

Но почему избрали для этой работы Николая Павловича, только что приехавшего из Киева? Он знал английский, французский, немецкий, итальянский (во всяком случае, мог читать) и сумел к своим 27 годам получить два высших образования. Правда, сам он считал, что была еще одна причина. В нем никто из редакционных честолюбцев не видел конкурента: беспартийный, так что пути к карьере нет. А рабочей лошадкой вполне может быть.

Так, в июле 1923 г., после переезда Полетики в Ленинград началась его, как он пишет, «фантастически-неправдоподобная, сказочная авантюра в роли “собственного корреспондента” “Ленинградской правды” из Лондона, Парижа, Берлина, Вены, Рима, Вашингтона, Нью-Йорка и других столиц мира... Сколько корреспонденций, статей, заметок, очерков, рецензий и даже фельетонов я написал за пять лет работы в “Ленинградской правде” под английскими, немецкими, французскими, итальянскими фамилиями, не считая интервью со знаменитыми иностранцами, проезжавшими через Ленинград, — вспомнить не могу. Скажу лишь, что почти каждую неделю я печатал в “Ленинградской правде” очередную “корреспонденцию” в 150—200 строк и 2—3 более мелкие заметки. Это не считая статей и заметок в “Новой вечерней газете” (вечерняя “дочь” “Ленинградской правды”), в журналах “Ленинград”, “Звезда”, “Современный Запад” и др. Читая более 100 иностранных газет и журналов, кроме “белогвардейских”, я, можно сказать, имел в эти годы (1923—1928) настоящую монополию на газетно-журнальную информацию, был самым информированным человеком в Ленинграде по вопросам международной политики и зарубежной жизни. Я не мог писать обо всем, что происходило за границей — многое не пропускала цензура, но я читал и знал все, что печаталось в сотне иностранных журналов и газет. Вряд ли кто-нибудь в Ленинграде мог читать зарубежную прессу в больших размерах».

Эта работа дала Николаю Павловичу возможность встречаться со многими интересными людьми и в самой газете, и в кругах питерской интеллигенции, да и с зарубежными гостями. «Маленькая комнатенка в редакции, где на полках хранились переплетенные по годам комплекты иностранных журналов и газет и где я писал свои статьи и корреспонденции из Лондона, Парижа, Берлина, Вашингтона и прочих столиц мира, стала за три года моим рабочим местом. Сюда-то и заглядывали поговорить со мной писатели и поэты — К. А. Федин, С. Я. Маршак, М. Л. Слонимский, Н. К. Чуковский, Е. Л. Шварц, Василий Андреев, О. Э. Мандельштам, Б. А. Лавренев и др.».

В «Ленинградской правде» были и настоящие, «не поддельные» иностранные корреспонденты. Два из них приобрели впоследствии широкую известность. Георгий Димитров, будущий герой Лейпцигского процесса о поджоге германского рейхстага, а впоследствии — глава Коминтерна. После неудавшегося восстания в Болгарии в 1923 г. Димитров бежал в Вену и оттуда присылал материалы в «Ленинградскую правду». Второй получил известность как Виктор Серж. На самом деле это Виктор Львович Кибальчич. Человек поразительно интересной и сложной биографии. Полетика переводил его корреспонденции из Берлина и Вены, которые тот писал под десятками псевдонимов. В редколлегии «Ленинградской правды» работал Иван Михайлович Майский. Это по его инициативе Полетика и получил в газете постоянную работу. В редакции газеты Николай Павлович познакомился с Ларисой Рейснер. В 1923 г. встречался с группой американских конгрессменов, с сенатором Робертом Лафолеттом, с германским послом в Москве (1922—1928) графом Ульрихом Брокдорф-Ранцау, бывшим германским рейхсканцлером (1921—1922) Карлом Йозефом Виртом, подписавшим советско-германский Рапальский договор.

Активная деятельность Полетики в газете прекратилась в 1927 г. Зиновьева и его сторонников убрали, роль газеты упала, прошла «чистка» сотрудников редакции. Тогда же прекратилась выписка иностранных газет. Последними его материалами в качестве «собственного корреспондента» стали сообщения «из Лондона» о забастовке горняков, которая в 1926 г. потрясла всю Англию.

* * *

Жизнь Ленинграда тех лет не входила в круг тем, которые Полетике поручалось освещать в газете. Но в его мемуарах они присутствуют, и эти страницы передают атмосферу тех лет.

Приведу их: «Ленинград, переставший быть столицей, все еще сохранял в 20-х годах положение основного в России центра науки, культуры и искусства. Здесь еще оставались Академия наук и Академия художеств. Ленинградский университет и ленинградские институты по уровню своих ученых считались выше московских. Если “Луну делали в Гамбурге” (Гоголь), то карьеру делали в Москве, а науку, искусство, литературу — в Ленинграде».

Осип Манделъштам подарил Полетике свою книгу «Шум времен». Евгений Замятин давал прочитать текст рукописи своего романа «Мы». Николай Павлович пишет: «Роман “Мы” стал постоянной темой наших дискуссий и споров в 1923—1925 годах. Замятин, давая мне русский текст своей рукописи, предупредил, что роман написан им в 1920 году, и объяснил, что “Великий благодетель человечества” — это Ленин, а не Сталин и не какой-либо фантастический персонаж. Мои споры и дискуссии с Е. И. Замятиным сводились в конце концов к одному основному положению: может ли создание коммунистического общества в СССР вылиться в такую жизнь, какая описана в романе “Мы”? Автор романа утверждал, что может. Я не верил и оспаривал это. Наши беседы в кабинете Замятина происходили в те времена, когда шла “первая оттепель” в виде НЭПа, и многие идеалистические советские “кролики”, в том числе и я, верили в возможность либерализации советского строя. Что коммунистическое общество может превратиться в военно-рабочую казарму, где люди будут жить так, как описано в романе “Мы”, я не мог поверить. Евгений Иванович утверждал, что процесс оглупления обывателя агитационными лозунгами и формулами зашел так далеко, что обыватель уже перестал мыслить самостоятельно, а пользуется готовыми штампами, преподанными свыше...

Первым из “Серапионовых братьев”, с кем я познакомился, был К. А. Федин. В 1923—1934 гг. он работал секретарем редакции “Звезды”, там и началось наше знакомство, длившееся несколько лет, до конца двадцатых годов... Я был знаком со всеми “Серапионами”, — с одними больше и лучше, с другими — меньше и хуже, но многое слышал о них и в Союзе писателей, и в Союзе поэтов в 20-е годы, и от моего брата, и от М. Л. Слонимского, редактора журнала “Ленинград”, издаваемого “Ленинградской правдой”. С М. Л. Слонимским я работал в течение двух-трех лет... Последняя встреча с К. А. Федем произошла, кажется, в 1927 или 1928 г., когда он пришел к нам, в нашу с Юрием квартиру слушать чтение повести писателя Василия Андреева “Серый пиджак”...

Коротким и случайным было мое знакомство с М. М. Зошенко. Среди “Серапионовых братьев” Зошенко был самой загадочной и таинственной фигурой. Меня познакомил с ним в 1925 или 1926 году М. Л. Слонимский. Он заранее предупредил: “Не вздумайте только назвать Михаила Михайловича писателем-юмористом”. Хотя в широких кругах читательской публики Зошенко числился “веселым писателем”, автором юмористических рассказов, но такую оценку он воспринимал как оскорбление. “Читательский смех его глубоко огорчает, — говорил мне Слонимский, — он всегда угрюм и мрачен, так как изображает в своих рассказах трагическую сущность нашей советской действительности, самые печальные стороны советской жизни, вызывающие слезы, ужас и отвращение, но прикрытые маской словесного юмора, языковыми и интонационными искажениями”. М. М. Зошенко оказался смуглым брюнетом, хорошо и даже элегантно одетым, чисто выбритым и подтянутым. Он походил не столько на писателя, сколько на актера, — такими чаще всего бывают артисты оперы. Он, как обычно, был угрюм и мрачен. К Слонимскому он питал большое доверие, и рекомендация Михаила Леонидовича развязала Зошенко язык в разговоре со мной. (Времена хоть и были “историческими”, что ежедневно твердилось в советских газетах, но при знакомствах меньше всего говорили на политические темы).

Н. П. Полетика был знаком с Самуилом Маршаком, Александром Грином, Елизаветой Полонской, сестрами Наппельбаум... В сущности, он знал весь литературный Ленинград двадцатых. Дружил с Евгением Шварцем. Полетика работал не только в «Ленинградской

правде», но и в журнале «Ленинград» (том самом, который потом, в 1946 г., был закрыт по решению ЦК КПСС). В журнале ему была поручена «Иностранная часть» — он подбирал в зарубежных журналах и газетах фотографии и карикатуры, переводил очерки и заметки. А ввел его в литературные круги его брат-близнец Юрий Павлович, критик-рецензент, который был «своим» и в Союзе поэтов, и в Союзе писателей, и в популярной ленинградской «Красной газете», и в журнале «Русский современник». Николай Павлович вошел в эту жизнь очень увлеченно, со всем энтузиазмом молодости. В 1926 г. ему исполнилось тридцать. Он только что женился — на женщине, которую любил.

Интересны заметки Полетики о журнале «Русский современник», в котором он тоже сотрудничал. Руководили журналом А. Н. Тихонов, Евгений Замятин и Корней Чуковский. Этот журнал занимал особое место в тогдашней советской литературе. «Конечно, “Русский современник” был советским журналом. И все же, несмотря (а может быть, благодаря именно этому) на присутствие в составе редакции старого “революционного” члена партии большевиков А. Н. Тихонова (Сереброва), редакция “Русского современника” была на подозрении у властей. “Русский современник” формально был беспартийным, а внутренне оппозиционным журналом. Он печатал прозу и стихи, которые говорили правду, не подкрашивая ее в тона “социалистического реализма”, построенного на принципе “что могло бы быть, если бы было”. Поэтому печататься в “Русском современнике” было рискованно, и он вообще не дожил до 1926 г.».

Зарисовки впечатлений Полетики о Чуковском, Каверине, Замятине и многих других писателях, я думаю, должны привлекать внимание всех, кто любит отечественную литературу тех лет, и уж, разумеется, историков литературы (хотя они, возможно, со многими оценками и не согласятся). С грустью писал Николай Павлович о судьбе Лидии Чарской, одной из самых популярных детских писательниц в предреволюционной литературе. В советское время ее имя сочли одиозным, ее не печатали. Она бедствовала.

В целом же он сказал о тех временах: «Пожалуй, ни об одном месте своей работы я не вспоминаю с такой радостью и удовольствием, как о работе в редакции “Ленинграда”. Но это были “либеральные” двадцатые годы. Затем “уж музыка была не та”. Замолк смех, прекратились шутки и споры. Каждый ушел в свою нору, и все боялись друг друга. Боялись сказать лишнее. Кто ушел в могилу, кто — на Колыму, кто стал классиком советской литературы...».

Н. П. Полетика с горечью написал о трагической судьбе тех, с кем был близок в двадцатые. Вот один из примеров. «О смерти Мандельштама я узнал в 1943 году, когда Ленинградский университет находился в Саратове. Летом 1943 года саратовские власти решили отправить “в порядке показательного примера” профессуру и преподавателей Ленинградского университета на сельскохозяйственные работы в колхоз под Саратовом на два-три дня. “Точные науки” было решено оставить в Саратове, но “бездельников” — филологов, историков, философов — посадили на автобусы и сплавили в колхоз. Мы работали целый день — кто как мог и как умел. Пользы от нашей работы для колхоза было немного, но “агитпример” был показан, и о нем было сообщено в саратовских газетах. Вечером мы вернулись с поля в наш шалаш на берегу пруда. Один из наших коллег-профессоров сообщил (не помню, от кого пришло известие), что Мандельштам умер в 1940 или в 1941 г.

После ужина в шалаше начался вечер-концерт стихов Мандельштама. Все знали, в особенности филологи и литературоведы, что Мандельштам репрессирован, что его имя и произведение под запретом, и все же стихи его читались до рассвета. В шалаше на земле лежали десять или пятнадцать профессоров и докторов наук, многие из которых были известны не только в России, но и за границей. Двое из них знали сборники “Камень” и “Tristia” наизусть, и они читали стихи Осипа Эмильевича с упоением. Никто не спал. Распорядителем этого вечера-концерта был доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Григорий Александрович Гуковский, блестящий лектор и ученый, по-новому осветивший в

литературоведческой науке русскую литературу XVIII в. Г. А. Гуковский погиб в концлагере в конце сороковых годов. Г. А. Гуковский давал очередному тещу-профессору заказ на то или другое стихотворение Мандельштама и те послушно читали. Вечер стихов Мандельштама продолжался до рассвета. Университетские власти могли “раздуть историю”, но, по-видимому, не решились на это».

* * *

Споры о Второй мировой войне не прекращаются до сих пор, хотя прошло уже сколько десятилетий. Такие же споры в 1920—1930-х гг. шли и о Первой мировой — почему она началась, какие страны и какие политики несут ответственность за гибель миллионов людей, за распад империй. Споры не были разрешены — их заглушила в 1939 г. новая война.

На Н. П. Полетику Первая мировая война обрушилась, когда ему было 18 лет. Те события произвели такое впечатление, что наложили отпечаток на всю его жизнь. За полемикой, которая велась на Западе о происхождении войны и ее виновниках, он следил, работая в «Ленинградской правде». И еще в 1924 г. напечатал в журнале «Звезда» свою первую статью «Как началась война». А в 1934 г., в связи с 20-летием начала войны, он писал: «Между европейскими историками происходят настоящие битвы, пока, правда, не кровавого, а чернильно-словесного характера, причем каждое утверждение, каждая формулировка берется с боя и служит предметом ожесточенных споров... В момент нарастания противоречий это был спор на тему о том, кто подготавливает войну, кто хочет напасть; в момент организации войны, когда механизм ее развязывания был пущен в ход, это был спор о том, кто “обороняется”; в момент окончания войны и все последующее время (с 1919 г.) это был спор о том, кто несет ответственность за возникновение войны... “Чисто научный спор”, каким его хотят изобразить обе стороны, на самом деле вовсе не так безобиден и невинен, как кажется. Он является особой формой подготовки». Полетика считал, что спор историков, начатый в побежденной Германии, призван был вызвать у немцев стремление к реваншу (что и использовал Гитлер).

Вмешавшись в эту научную дискуссию еще в 1924 г., Николай Павлович участвовал в ней, в сущности, всю свою жизнь. Написал две монографии. С чего это началось? Всерьез, не как что-то побочное, а как профессиональное. «В грустном умонастроении я бродил в один из осенних дней 1928 г. по коридорам редакции “Ленинградской правды”, терзаясь вопросом, куда идти и что делать в будущем, когда случайная и неожиданная встреча в редакции с доцентом П. П. Щеголевым перевернула еще раз мою судьбу». Щеголев задал Полетике вопрос о том, кто, с его точки зрения, прав: те, кто обвиняют сербское правительство, что оно знало заранее о подготовке покушения на наследника австро-венгерского престола, и, значит, было соучастником, намеренно не предупредило возможность возникновения войны или те, кто считает, что сербское правительство невиновно? Первую точку зрения отстаивает известный историк М. Н. Покровский, вторую — академик Е. В. Тарле. Полетика был удивлен, что его, журналиста, спрашивают о споре видных ученых, но «...я был научный пролетарий и мне нечего было терять, кроме своих цепей». За время работы «собкором» в «Ленинградской правде» он познакомился и с документами, и с зарубежными мнениями, поэтому мог иметь свое суждение. Он сказал, что поддерживает мнение Покровского. И неожиданно получил приглашение сделать в Институте марксизма-ленинизма доклад на тему «Сараевское убийство как повод к мировой войне». Так спор между известными историками дал Полетике возможность выступить со своим взглядом. Это был успех: «Началась новая, вторая по счету фантастически неправдоподобная сказка моей жизни».

Правда, до осуществления сказки, до ее превращения в реальность могло бы пройти еще немало времени. Но везение продолжалось. В 1928 г. ленинградское издательство «Красная газета» начало издавать для любителей истории журнал «Минувшие дни». И там напечатали

дневник Анны Вырубовой, любимой подруги последней императрицы и Григория Распутина. Дневник был полон интимных подробностей о жизни императорской семьи и двора — сплетен, и того, что теперь называют сексом (тогда такого слова в обиходе русского языка не было). Это вызвало сенсацию. Журнал был нарасхват. Вскоре выяснилось, что, хотя в «дневнике» использованы несколько писем Вырубовой, в целом же все это — выдумка П. Е. Щеголева и А. Н. Толстого. Еще раньше они написали пьесу «Заговор императрицы» и неплохо владели историческим материалом. Открылось это не сразу, и не сразу публика поверила разоблачениям. Однако «Дневник Вырубовой» привел к взрыву интереса читателей к тем временам и к подоплеке тогдашних событий. Издательство «Красная газета» решило выпустить приложением к «Минувшим дням» 20 томов мемуарной литературы и монографий советских и иностранных ученых о событиях накануне и во время мировой войны.

В рамках этой инициативы Полетике предложили написать книгу «Сараевское убийство». Он сделал ее очень быстро. И сразу же предложил написать новую — «Возникновение мировой войны». Он отмечает в мемуарах: «Мои акции в научном мире шли неуклонно вверх. В Москве я подал заявление о приеме в секцию научных работников. Карточка члена секции научных работников в 1929—1930 гг., когда ученые степени и звания не существовали, была равноценна, можно сказать, ученой степени кандидата наук и ученому званию доцента в 1936—1937 гг. Она давала немало привилегий и льгот, и в первую очередь — право на дополнительную комнату в квартире с оплатой ее в одинарном размере (вместо двойного)».

Получив в 1930 г. 25 авторских экземпляров «Сараевского убийства», Полетика понес один из них академику Тарле, против точки зрения которого выступил. Но, позвонив в квартиру на Дворцовой набережной, услышал испуганный голос экономки: «Ночью его взяли».

Судьба «Сараевского убийства» потом претерпела немало перипетий. Все зависело от отношения советского правительства к «славянскому вопросу» и к Югославии. И то и другое менялось. И в 1930-е гг., и еще больше — потом. В 1940 г. книгу перевели из открытого фонда библиотек в отделы «специального хранения». В его книге, видите ли, даны отрывки из статьи Л. Д. Троцкого «Мальчики, которые вызвали войну». Позже были недовольны югославские коммунисты. Но после того как Сталин рассорился с И. Броз Тито, книга снова появилась на полках библиотек. Критику действий сербского правительства, пусть и весьма давнюю, сочли своевременной. А после замирения Тито с Н. С. Хрущевым книгу вновь отправили в спецхран. Во всяком случае, так помнится Полетике.

С выхода «Сараевского убийства» началась научная карьера Н. П. Полетики, продолжавшаяся четыре десятилетия. Он стал доцентом, заведующим кафедрой в Институте гражданского воздушного флота. Его первой учебной дисциплиной была экономическая география. В 1934 г., когда были введены ученые степени кандидата и доктора наук, Полетика стал первым в СССР кандидатом экономических наук по специальности «Экономика воздушного транспорта». В декабре 1940 г. он защитил докторскую диссертацию по истории на истфаке Ленинградского университета, где работал в 1936—1951 гг. Кроме того, он подготовил и докторскую по экономике авиации, но не смог ее защитить: в марте 1941 г. Ленинградский институт инженеров гражданского и военного флота реорганизовали и инженерно-экономический факультет, где работал Николай Павлович, расформировали.

Однако вернемся в 1932 г. Публикация второй книги Полетики «Возникновение мировой войны» затянулась. Соцэкгиз разорвал с ним договор. Сам он видел причину в сопротивлении московских историков, специалистов по истории международных отношений.

Юрий Павлович Полетика, который работал тогда в основанном М. Горьким журнале «Наши достижения», посоветовал брату обратиться к Горькому. Очевидно тот поручил своим сотрудникам познакомиться с рукописью, а может быть, и сам нашел для этого время. Во всяком случае очень быстро, через два месяца после своей просьбы, Николай Павлович получил письмо:

Н. П. Полетике.

Уважаемый профессор!

Я просил Л. П. Томского обратить внимание на вашу работу «Ответственность за мировую войну». Требуется, чтобы вы прислали рукопись в ОГИЗ.

А. Пешков
26 мая 1932 г.

Письмо Горького решило судьбу рукописи, хотя все-таки ее еще долго «мариновали». Вышла книга лишь в 1935 г.

На истфаке ЛГУ Николай Павлович читал курсы и вел семинары по истории международных отношений 1871—1918 гг. К сожалению, о своей тогдашней работе в мемуарах он пишет мало. Зато с большой симпатией о своих коллегах — В. В. Струве, С. Я. Лурье, М. Д. Приселкове, С. Н. Валке.

Его воспоминания заканчиваются на 30-х годах, их конец дан только вскользь. А жизнь в Ленинграде до 1951, недолгое время в Ташкенте, затем до 1973 в Минске, затем до 1988 в Израиле. Очень надеюсь, удастся что-то разыскать, услышать, найти.

* * *

«Виденное и пережитое», наверное, главная книга Николая Павловича Полетики, обладавшего исключительной памятью и тонкой наблюдательностью. Он не сотворил себе кумира ни из белых, ни из красных, ни из Запада, ни из Востока (ни из Израиля — страны, приютившей его, русского потомственного дворянина). Как жаль, что эта книга, изданная за рубежом дважды, до сих пор неизвестна в России. Рецензий, даже упоминаний о ней, я не видел.

Памятью о Полетике мне остались конспекты его лекций; его немногочисленные письма из Минска (из эмиграции он уже не писал). И, конечно, его монография «Возникновение Первой мировой войны» с надписью «Моему дорогому другу Аполлону Борисовичу Давидсону», а также «Хрестоматия по новой истории» (с аналогичной надписью), которая была издана с его участием в 1953 г. Не могу удержаться — скажу, что для меня было радостью получить весной 1958 г. от Николая Павловича добрую оценку моей первой книги и слова: «Знайте, что для такого старого пса исторической науки, читавшего тысячи книг на своем веку, такое признание кое-чего да стоит!». Закончить свои портретные наброски хочу словами Томаса Манна, которые Н. П. Полетика дал эпиграфом к своей книге: «Нам кажется, что мы выражаем только себя, говорим только о себе, и вот оказывается, что из глубокой связи, инстинктивной общности с окружающим мы создали нечто сверхличное... вот это сверхличное и есть лучшее, что содержится в нашем творчестве».

Основные труды Н. П. Полетики

- Сараевское убийство как дипломатический повод к войне // Историк-марксист. Т. 2. М., 1929.
Сараевское убийство: исследование по истории австро-сербских отношений. 1903—1914 гг. Л. : Изд-во «Красная газета», 1930.
Возникновение мировой войны. М.; Л. : Соцэргиз, 1935.
Возникновение первой мировой войны. Июльский кризис. М. : Мысль, 1964.
Виденное и пережитое (Из воспоминаний). Иерусалим : Библиотека Алия, 1990 (Репринт с издания 1982 г.).

Литература о Н. П. Полетике

- Ганелин, Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940—1970-х годах / Р. Ш. Ганелин. СПб. : Нестор-История, 2006.
Давидсон, А. Б. Корреспондент во всех странах мира / А. Б. Давидсон // Историк и художник Москва, 2007. № 4 (14).